

Глава 597: Ты будешь гордиться мной

— С помощью заклинания Дивергенции Души ты сможешь культивировать неумирающую душу. К сожалению, его сложность слишком высока для тебя... Этот гроб поможет тебе культивировать эту технику. Даже если наступит страшная катастрофа... с ней ты сможешь выжить!

Кэ Юньхай сказал совсем немного, но даже это далось ему с большим трудом. Он побледнел и начал ловить ртом воздух. Тем временем белый пульсирующий свет вокруг него стал плотнее. Он кружил вокруг его тела, чем-то напоминая сияющее гало.

Кэ Юньхай тепло посмотрел на Мэн Хао, в его взгляде читалась искренняя доброта, нежелание расставаться. И любовь... Он боялся оставлять своё дитя, боялся за его судьбу, боялся, что ему будет одиноко.

Мэн Хао в слезах прикусил губу и молча опустился на колени перед Кэ Юньхаем.

— Не надо плакать, — сказал Кэ Юньхай, — если в наши дни мужчина будет много плакать, то его Дао станет неустойчивым. Иди сюда, мой мальчик...

В слезах Мэн Хао подошёл и встал перед отцом. Тот поднял свою трясущуюся морщинистую руку и мягко погладил Мэн Хао по голове.

— Ты так вырос...

— Пап...

Мэн Хао посмотрел на всепроникающую ауру смерти и постаревшего Кэ Юньхая, и в груди защемило, словно его сердце что-то разрывало на куски. Он задрожал, когда внезапно понял, что его отец вот-вот покинет его. Он давно уже начал считать Кэ Юньхая своим отцом.

— Рано или поздно всех настигает конец, этого не изменить. Лорд Ли вернул жизнь всему сущему; учитывая моё положение, я уважаю его решение...

— Почему? — сквозь всхлипывания прошептал Мэн Хао. — Почему ты уважаешь такое решение?! Практики ведь культивируют вечную жизнь, разве нет? В чём тогда смысл, если вечная жизнь недостижима?!

Кэ Юньхай какое-то время молчал, а потом поднял голову. Его взгляд, казалось, устремился далеко за стены пещеры бессмертного, куда-то далеко в будущее. Погребальные колокола, отдаваясь бесконечным эхом, пробили в шестьдесят девятый раз.

— Мы, практики, занимаемся культивацией не просто, чтобы получить вечную жизнь. Нет, наша цель Дао... Для тех, кто преследует Дао, жизнь — это утро, а смерть — это вечер[1]. Те, кто ищет Дао, ни о чём не сожалеют, когда наступает вечер...

Кэ Юньхай опустил голову и посмотрел на Мэн Хао.

— Жизнь и смерть не важны для меня. Без Лорда Ли твой отец давно бы уже погиб... Я не боюсь смерти. Только одно меня страшит и не даёт покоя... это ты...

Кэ Юньхай потрепал волосы Мэн Хао. У него практически не осталось сил, но его глаза всё равно излучали тепло и безграничную любовь.

— Я должен был умереть много лет назад, — продолжил он. — Но я беспокоился за тебя, поэтому откладывал этот момент вплоть до сегодняшнего дня. Если бы было возможно, я бы хотел побыть с тобой ещё немного, как в Пагоде Бессмертного Демона: я впереди, ты идёшь следом за мной... вдаль.

Он улыбнулся, но его лицо ещё сильнее побледнело. Вокруг него парило всё больше и больше пульсирующего света, делая его улыбку какой-то далёкой.

— Пап... — прошептал Мэн Хао, взяв Кэ Юньху за руку.

— Твоих братьев и сестёр уже нет в живых. Когда меня не станет, во всём мире у тебя больше никого не останется... Я надеюсь в будущем... ты научишься быть чуть более благоразумным.

Глядя на Мэн Хао, теплота и нежелание расставаться в глазах Кэ Юньху становились всё сильнее и сильнее. Всё было в точности, как он сказал: самым главным в его жизни был ребёнок, стоящий перед ним на коленях. Если бы существовал хотя бы крошечный шанс прожить ещё немного, он бы, не задумываясь, за него ухватился, чтобы своими глазами увидеть, как Кэ Цзюсы вырастет.

Мэн Хао никак не мог облечь в слова чувства, хранящиеся в глубинах его сердца. Ему было больно; казалось, весь его мир рушился. Как будто невидимый водоворот внутри него забирал в себя все его мысли. Мэн Хао только и мог, что крепко стискивать руку Кэ Юньху. Он мог только плакать. Он хотел было что-то сказать, но язык не слушался.

— Не грусти. Твои братья и сёстры ждут меня. Я ведь и их отец. Мне надо провести время и с ними... Цзюсы, папа надеется, что однажды, когда я уже буду на том свете, то смогу гордиться тобой...

Снаружи колокола пробили в восемьдесят девятый раз. Кэ Юньху теперь полностью окутал пульсирующий свет. Рука, которую держал Мэн Хао, стала размытой. Единственное, что оставалось незамутнённым, это тёплая улыбка Кэ Юньху. Его глаза постепенно затуманивались. За следующие десять ударов колокола они полностью потеряют свой яркий блеск. Они превратятся во множество огоньков, которые потом растворятся в воздухе.

Сердце Мэн Хао разрывало на части. Дрожа, он отчаянно пытался удержать исчезающую руку Кэ Юньху.

— Пап...

Внезапно глаза Кэ Юньху вновь обрели фокус, словно он бросил последние капли жизненной силы, чтобы посмотреть на Мэн Хао. Его взгляд был словно в забытьи.

Здесь, прямо перед ним, за спиной Мэн Хао, медленно материализовалась фигура мужчины в белом халате, совершенно не похожая на Мэн Хао. Молодой на вид, но в то же время бесконечно стар. Это был не кто иной, как Кэ Цзюсы!

Кэ Цзюсы в слезах смотрел на отца. Он медленно опустился на колени, соединившись с телом Мэн Хао.

На губах Кэ Юньху проступила улыбка. Он уже давно обо всём догадался. Кивнув, он медленно протянул руку и коснулся лба Мэн Хао. Или... возможно, он коснулся лба Кэ Цзюсы. В следующий миг в разуме Кэ Юньху вспыхнули образы. Он увидел разрушение секты Бессмертного Демона и последнюю грандиозную битву Кэ Цзюсы. Как Кэ Цзюсы вернулся к

жизни и в одиночестве наблюдал за сектой Бессмертного Демона десятки тысяч лет.

Кэ Цзюсы не сводил глаз с Кэ Юньхая. Со слезами на щеках он мягко сказал:

— Пап... Я научился благоразумию... Прости меня за всё... прости. Папа... это всё моя вина...

Наконец он смог вновь увидеть отца. Наконец он смог сказать эти слова своему отцу.

Эти слова принадлежали Кэ Цзюсы и в то же время принадлежали Мэн Хао. Два человека, одни слова. Невозможно было сказать, воспользовался ли Кэ Цзюсы ртом Мэн Хао или Мэн Хао воспользовался душой Кэ Цзюсы.

— Пап... я вырос. Можешь больше не тревожиться обо мне. Ты всегда будешь гордиться мной...

Кэ Юньхай долго не сводил глаз с Мэн Хао и Кэ Цзюсы. Он ласково улыбался. Улыбкой благодарной, даже более того, удовлетворённой.

— Спасибо тебе, — хрипло сказал Кэ Юньхай, — ты тоже мой сын. В этой жизни мы отец и сын.

Он посмотрел на Мэн Хао, и в его взгляде он увидел тепло, доброту и любовь. В этот самый момент пульсирующее белое свечение полностью окутало его тело.

Когда Мэн Хао почувствовал, что вместо руки Кэ Юньхая он теперь сжимает пустоту, его затрясло. Язычок пламени в масляной лампе вспыхнул один, последний, раз и погас.

— ПАПА!

Со слезами на глазах Мэн Хао наблюдал, как Кэ Юньхай исчезает. Снаружи колокола пробили в девяносто девятый раз! На один раз меньше ста! Совершенство не допускалось.

Погребальный звон оберегает в пути. Его не могло быть слишком много или слишком мало. Девяносто девять путей в потусторонний мир.

Этот погребальный звон возвещал о гибели парагона.

Колокольный звон эхом разносился по всем семи великим пикам первых небес. В этот момент миллион практиков семи пиков опустили на колени, чтобы отдать земной поклон. Их головы были обращены в сторону четвёртого пика. Все, включая других парагонов, низко поклонились.

На четвёртом пике раздался плач. Все ученики повернулись в сторону пещеры бессмертного Кэ Юньхая и опустили на колени.

Кэ Юньхая не стало.

Пока Мэн Хао смотрел в точку, где недавно находился Кэ Юньхай, снаружи послышался плач. Он долгое время простоял в тишине на коленях, прежде чем подняться на ноги. Сжимая грудь, он вышел из пещеры бессмертного. Снаружи его встретили все ученики четвёртого пика. Взгляды всех этих людей были направлены на него. Он посмотрел на них, не скрывая разрывающей его сердце печали и тоски.

Подняв голову к небу, ему в глаза ударил яркий свет. На мгновение ему показалось, что он увидел тень Кэ Юньхая. Его окружали девяносто девять лучей света, которые провожали его в последний путь. Улетая прочь, Кэ Юньхай повернул голову и в последний раз посмотрел на земли внизу, на Мэн Хао.

Купаясь в лучах света, память Мэн Хао воскресила образ его самого, когда он только попал в иллюзорный мир. Он вспомнил их первую встречу с Кэ Юньхаем, его добрый взгляд, способный простить всё на свете. После убийства Цзи Минфэна его наказали. Он вспомнил, как в его ушах прозвучал голос Кэ Юньхая, спросивший, почему он ещё не кричит.

Сердце Мэн Хао нестерпимо болело.

Потом были магические предметы и талисманы, выкованные из жизненной силы Кэ Юньхая. В Пагоде Бессмертного Демона Мэн Хао достиг точки, на которой его ждало неминуемое поражение, как вдруг перед ним возникла широкая спина его отца. Потрепав его волосы, он ласково сказал: "Я проведу тебя до конца".

Всё это превратилось в последний образ... расставания...

Теперь он наконец понял, что Кэ Юньхай знал с самого начала, что он не был Кэ Цзюсы. В самом конце он поблагодарил его. Это объясняло всё. А потом он сказал, что Мэн Хао тоже его сын. Он одобрил Мэн Хао...

Всё произошедшее казалось сном. Но это был сон, который Мэн Хао хотел увидеть!

— Отца... больше нет, — прошептал он.

В его глазах неожиданно потемнело. С кровавым кашлем он рухнул на землю без чувств.

Мэн Хао два дня пролежал без сознания. Когда он наконец проснулся, то первым делом увидел сидящую рядом Сюй Цин. Несмотря на тревогу на её лице, он ничего не сказал. Сюй Цин пошла вместе с ним на похороны Кэ Юньхая в долине на седьмом пике. В могиле не было тела, только погасшая лампа.

Мэн Хао перестал быть простым учеником. Как перестал быть и элитным учеником. Теперь он стал хозяином четвёртого пика, хоть и не был парагоном.

Мэн Хао больше не переплавлял пилюли, не искал просветления в даосской магии. Он сидел снаружи своей пещеры бессмертного, наблюдая за тем, как ночь сменяет день, а потом день сменяет ночь. Он не знал, что именно пытался там увидеть. Он просто наблюдал.

Несколько дней спустя призрачные образы начали появляться в древнем иллюзорном мире по несколько раз в день. Мэн Хао знал, что это место... скоро исчезнет.

"Жизнь и смерть. Расставание, но также и новое начало".

Мэн Хао внезапно ощутил озарение. Он закрыл глаза и долгое время их не открывал. Разомкнув их, он решил наконец отправиться к великой лестнице, уводящей в небо. Перед уходом он заметил в мастерской целебную пилюлю, которую он создал из ничего, но радости почему-то не было. Он безучастно посмотрел на неё, а потом осторожно поместил в бездонную сумку.

Оказавшись перед великой лестницей, он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на четвёртый пик. Этим прощальным взглядом он навсегда запечатал образ четвёртого пика в своей памяти.

А потом он отвернулся и ступил на невидимую для остальной секты лестницу. Он неспешно поднимался вверх, шаг за шагом.

Практики с Южных Небес наблюдали за ним. Они ждали. Ждали, когда Мэн Хао доберётся до конца лестницы. Тогда второму миру наступит конец. И откроется... третий мир.

[1] Это слегка видоизменённое изречение: "Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть". — Прим. пер.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/167592>